

Джон Голсуорси

Остров фарисеев

Перевод с английского
Татьяны Кудрявцевой

ФТМ

Джон Голсуорси
Остров фарисеев

«ФТМ»

1904

Голсуорси Д.

Остров фарисеев / Д. Голсуорси — «ФТМ», 1904

ISBN 978-5-4467-2693-6

Роман «Остров фарисеев» – один из наиболее острых и социально значимых произведений Голсуорси, в котором автор – от лица главного героя Дика Шелтона – нещадно высмеивает английское общество с его косными устоями и картонными понятиями о чести, счастье, смысле жизни. Сюжет довольно прост. Дик безумно влюблен в Антонию, превозносит ее над всеми остальными женщинами и мечтает о дне их свадьбы. Однако, познакомившись с Ферраном, человеком циничным и свободным от условностей, он постепенно переосмысливает не только свое чувство, но и образ жизни...

ISBN 978-5-4467-2693-6

© Голсуорси Д., 1904
© ФТМ, 1904

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джон Голсуорси

Остров фарисеев

Часть первая

В столице

Глава I

Общество

Так в обществе высоком повелось...
Шекспир. «Король Джон»

Хорошо одетый мужчина с загорелым лицом и светлой бородкой скромно остановился у книжного киоска на Дуврском вокзале. Его звали Шелтон. Он направлялся в Лондон и занял место в углу вагона третьего класса, положив туда свой саквояж. После долгих странствий по чужим краям ему казались приятными и заунывный голос продавца, предлагавшего последнюю литературную новинку, и независимый тон бородатого кондуктора, и чинное прощание мужа с женой. Проворные носильщики, пробежавшие мимо со своими тележками, мрачное здание вокзала, добротный крепкий юмор, чувствовавшийся в людях, в звуке их голосов, в самом воздухе, – все говорило ему, что он дома. Он стоял в нерешительности у прилавка, не зная, купить ли книгу под названием «Харборо», которую он уже читал и, наверное, с удовольствием прочтет еще раз, или же «Французскую революцию» Карлейля, которую он не читал и вряд ли будет читать с удовольствием; он чувствовал, что следовало бы купить вторую книгу, но не в силах был отказаться от первой. Пока он мешкал, не зная, на что решиться, его купе стало наполняться народом; тогда, быстро купив обе книги, он поспешил в вагон, намереваясь отстаивать свои права на занятое место.

«Нигде так не узнаешь людей, как в дороге», – подумал он.

Почти все места были уже заняты; он положил саквояж в багажную сетку и сел. В самую последнюю минуту в купе втиснулся еще один пассажир – молоденькая девушка с бледным лицом.

«Сглупил я, что поехал третьим классом», – подумал Шелтон, загородившись газетой и украдкой рассматривая своих соседей.

Пассажиров было семеро. В дальнем углу расположился немолодой сельский житель. Из рта его, точно ручка трости, торчала погасшая трубка, повернутая чубуком книзу, а на лице запечатлелось сознание собственного ничтожества, свойственное тем, чья жизнь проходит лишь среди повседневных житейских забот. Рядом с ним краснощекий, широкоплечий человек и его сосед – седой мужчина с острым лицом хорька – беседовали о своих садах; Шелтон стал наблюдать за ними, и его поразило странное выражение их глаз: в них было настороженное дружелюбие и вместе с тем дружелюбное недоверие, а в оживленной, даже сердечной беседе все время звучали опасливые нотки. Взгляд Шелтона скользнул дальше и чуть не споткнулся о надутое и на редкость самодовольное лицо полной дамы с римским профилем, одетой в черный с белым костюму она читала «Стрэнд мэгэзин», придерживая его одной рукой, а другая рука, с которой она сняла черную перчатку, лежала у нее на коленях, гладкая и пухлая, украшенная толстым золотым браслетом с часами. Сидевшая рядом с ней женщина помоложе,

застенчивая, с ярким румянцем на щеках, разглядывала бледную девушку, которая только что вошла в купе.

«Что-то им не нравится в ней», – подумал Шелтон. В карих глазах девушки, несомненно, таился испуг; по покрою платья видно было, что она иностранка. И вдруг Шелтон встретился взглядом с другой парой глаз: молодой человек с тонким искривленным носом тотчас же отвернулся, но Шелтон успел заметить в этих голубых навывкате глазах тень насмешки. Ему показалось, что незнакомец оценивает его и смеется над ним, хочет понравиться и словно привлекает на свою сторону. Шелтон не отвел глаз: это насмешливое, живое лицо с двухдневной рыжеватой щетиной, длинным носом и толстыми губами озадачивало его.

«Физиономия циника», – мелькнула у него мысль. «Но человек чуткий», – мелькнула другая, и вновь первая мысль: «Однако слишком уж циничный».

Странный молодой человек сидел, широко раздвинув колени и скрестив под скамьей ноги в изношенных брюках и пыльных башмаках; пожелтевшие кончики его пальцев были сжаты, словно скручивали невидимую папиросу. Печать отчужденности лежала на этом человеке в потрепанной одежде; в сетке над его головой не было и намека на какой-либо багаж.

Испуганная девушка сидела рядом с этим непонятным субъектом. Возможно, более чем скромный костюм соседа побудил ее обратиться именно к нему.

– Простите, мосье, не говорите ли вы по-французски? – спросила она.

– Конечно, говорю.

– Тогда скажите, пожалуйста, где берут билеты?

Молодой человек покачал головой.

– Не знаю, – сказал он. – Я иностранец.

Девушка тяжело вздохнула.

– Но что с вами, мадмуазель?

Девушка не ответила и только крепче сжала руки на старой сумке, которая лежала у нее на коленях. В купе воцарилась тишина – так затихают животные, почуяв приближение опасности; взоры всех пассажиров были устремлены на чужестранцев.

– М-да, – прервал молчание краснощекий человек, – он был немножко навеселе в тот вечер, наш старый Том.

– Угу, – заметил его сосед, – это с ним бывает.

Как видно, что-то положило конец их взаимному недоверию. Пухлая, гладкая рука дамы с римским профилем судорожно сжалась, и это движение отвечало тревожному чувству, наполнившему сердце Шелтона. Казалось, и ее рука и его сердце боятся, как бы к ним не обратились с какой-нибудь просьбой.

– Мосье, – сказала девушка дрожащим голосом, – я очень несчастна. Посоветуйте, как мне быть. У меня нет денег на билет.

В лице молодого иностранца что-то дрогнуло.

– Да? – произнес он. – Это, конечно, с кем угодно может случиться.

– Что мне за это будет? – проговорила девушка со вздохом.

– Не падайте духом, мадмуазель. – Молодой человек обвел глазами пассажиров, и взгляд его остановился на Шелтоне. – Впрочем, пока что ваше положение кажется мне безвыходным.

– Ах, мосье, – вздохнула девушка, и хотя было ясно, что никто, кроме Шелтона, не понимает, о чем они говорят, в купе все же почувствовался холодок.

– Я был бы рад помочь вам, – сказал молодой иностранец, – но, к сожалению... – Он пожал плечами и снова перевел взгляд на Шелтона.

Тот сунул руку в карман.

– Могу я быть чем-нибудь полезен? – спросил он по-английски.

– Конечно, сэр. Вы могли бы оказать величайшую услугу этой молодой леди, одолжив ей денег на билет.

Шелтон выгащил соверен. Молодой человек взял его и, передавая девушке, воскликнул: – Тысяча благодарностей! *Voilà une belle action!*¹

Тут на Шелтона напали сомнения, всегда сопутствующие случайной благотворительности; ему было стыдно, что у него возникли подобные сомнения, и было бы стыдно, если бы они не возникли; он украдкой посматривал на иностранца, который говорил теперь с девушкой на неизвестном Шелтону языке. Иностранец этот выглядел настоящим оборванцем, но выражение его лица говорило о тонком, остром уме и силе воли, какие редко можно обнаружить на лице заурядного человека; переведя взгляд на других пассажиров, Шелтон уловил на их лицах своеобразное сочетание презрительного возмущения и любопытства. Откинувшись назад и полузакрыв глаза, он попытался определить то новое, что появилось в атмосфере их купе. Ни в выражении лиц, ни в поведении его соседей не было ничего такого, к чему можно было бы придраться и что можно было бы втайне осудить, и это озадачивало его. Они продолжали беседовать с удивительным, чуть нарочитым бесстрашием, и все же Шелтон твердо знал, словно услышал по секрету от каждого, что этот подозрительный эпизод вывел их из состояния покоя. Случилось нечто противоречащее их понятиям о благопристойности, нечто опасное, мешающее им благодушествовать, и потому непростительное. Каждый по-своему проявлял неудовольствие: одни – с юмором, другие философски или презрительно, с раздражением или с насмешкой. Внезапно, словно прозрев, Шелтон понял, что и у него в глубине души притаились те же чувства. И он рассердился на своих соседей и на себя за то, что разделяет их неудовольствие. Он взглянул на пухлую, гладкую руку дамы с римским профилем. От этой холеной, белой руки веяло необычайным самодовольством и обособленностью; какая-то уверенная праведность в ее изгибе, чопорная жеманность отставленного толстого мизинца – все это приобрело совершенно необъяснимую значимость, словно олицетворение приговора, который вынесли его спутники по купе, приговора Общества, ибо Шелтон знал, что любые восемь человек, собравшиеся хотя бы в купе третьего класса, представляют собой зародыш Общества, даже если они и внушают отвращение благовоспитанному человеку.

Однако Шелтон был влюблен и недавно помолвлен, а потому у него были все основания не поддаваться чувству какого бы то ни было недовольства; перед его мысленным взором вновь возникло бесстрастное красивое лицо, быстрые движения и ослепительная улыбка той, чей образ не покидал его во все время добровольного изгнания; он достал последнее письмо своей невесты, но голос молодого иностранца, обратившегося к нему скороговоркой по-французски, заставил его поспешно спрятать конверт.

– Судя по тому, что она мне рассказала, сэр, – начал незнакомец, наклоняясь к Шелтону, чтобы девушка не могла расслышать его слов, – положение ее весьма печально. Я был бы рад помочь ей, но, как видите... – Он сделал жест, и Шелтон понял, что ему пришлось расстаться с жилетом. – Я не Ротшильд! Она приехала в Дувр с человеком, который обещал на ней жениться, а потом бросил ее. Посмотрите, – он быстрым взглядом указал на их спутниц, отодвинувшихся подальше от француженки, – как они стараются, чтобы их одежда не коснулась ее! Это добродетельные женщины, сэр. И какая же чудесная вещь добродетель! А еще чудеснее сознавать, что обладаешь ею, особенно когда нечего бояться искушений!

Шелтон не мог удержаться от улыбки, а когда он улыбался, выражение его лица тотчас смягчалось.

– Замечали ли вы, – продолжал молодой иностранец, – что люди, которым по складу их характера и условиям жизни меньше всего подобает судить других, как раз и выступают обычно в роли судей? Суждения Общества всегда бывают детски наивными, потому что оно состоит в основном из людей, которым никогда не приходилось солоно. И потом те, у кого есть деньги,

¹ Вот благородный поступок! (франц.)

рискуют лишиться своих капиталов, если они перестанут считать неимущих мошенниками и идиотами.

Шелтона поразило это стремление бедно одетого юноши поделиться с ним, человеком совсем незнакомым, своими умозаключениями, поразило и то, что этот юноша так оригинально выразил его собственные затаенные мысли. Поддавшись странному обаянию незнакомца, Шелтон перестал раздумывать над необычностью создавшегося положения.

– Вы, вероятно, приезжий? – спросил он.

– Я уже семь месяцев в Англии, но до сих пор еще не бывал в Лондоне, – ответил тот. – Я рассчитываю найти себе там полезное применение – давно пора! – На секунду губы его тронула горькая и вместе с тем жалостная улыбка. – Не я буду виноват, если мне не повезет. Вы англичанин, сэр?

Шелтон кивнул.

– Простите, что я спрашиваю вас об этом. В вашем тоне я не слышу того, что замечал почти у всех англичан: особого... – *comment cela s'appelle?*² – апломба, в котором проявляется одно из величайших достоинств вашей нации.

– Какое же это? – с улыбкой опросил Шелтон.

– Самодовольство, – ответил молодой иностранец.

– Самодовольство! – повторил Шелтон. – И вы называете это великим достоинством?

– Вернее, мосье, я назвал бы это серьезным недостатком народа, который всегда был великим. Вы, несомненно, самая культурная нация на земле, и это обстоятельство вас несколько испортило. Будь я английским проповедником, я стремился бы прежде всего доказать вам всю никчемность вашего самодовольства.

Шелтон откинулся на спинку скамьи и стал обдумывать это дерзкое замечание.

– Гм, – проговорил он наконец, – ваши проповеди едва ли пользовались бы успехом. Не думаю, чтобы мы были самоувереннее какой-либо другой нации.

Иностранец вздохнул, как бы соглашаясь с этим мнением.

– Это действительно довольно распространенная болезнь, – сказал он. Посмотрите на них. – И он быстрым взглядом указал на сидевших в купе пассажиров, обычных, заурядных людей. – Что дает им право кичиться своей добродетелью и отворачивать нос от тех, кто живет иначе, чем они? Впрочем, вон тот старик земледelec, пожалуй, не такой: он вообще никогда не думает; зато посмотрите на эту пару: как они увлеклись своей глупой болтовней о ценах на хмель, о видах на урожай картофеля, о проделках какого-то Джорджа и о тысяче подобных мелочей! Взгляните на их лица! Я ведь сам из буржуа, и я вас спрашиваю: проявили ли эти люди хоть раз такие качества, которые давали бы им право гладить себя по головке? Куда там! Они знают только, как растить картошку; и все непонятное внушает им ужас и презрение. А таких миллионы! *Voilà la société!*³ Этим людям свойственно одно: трусость! Я воспитывался у иезуитов, – заметил он в заключение, – они научили меня, как надо думать.

При обычных обстоятельствах Шелтон, следуя правилам хорошего тона, произнес бы: «Ах, вот как!» – и уткнулся бы носом в спасительные страницы «Дейли телеграф». Но сейчас, повинувшись непонятному побуждению, он взглянул на молодого человека и спросил:

– Почему вы говорите все это именно мне?

Бродяга – ибо, если судить по его башмакам, он вряд ли мог быть кем-либо иным – минуту помедлил и затем, словно решившись говорить правду, ответил:

– Когда вот так постранствуешь по свету, как я, появляется особый инстинкт, который подсказывает, кого следует выбирать в собеседники и каким тоном с ним разговаривать.

² Как это называется? (*франц.*)

³ Вот каково общество! (*франц.*)

Все в жизни диктуется необходимостью, и, если хочешь жить, нужно научиться всем этим премудростям, иначе пропадешь.

Шелтон, который и сам обладал довольно гибким умом, не мог не заметить, что под этими словами скрыт тонкий комплимент. Молодой человек словно хотел сказать ему: «Я уверен, что вы не поймете меня превратно и не сочтете бездельником только потому, что я изучаю человеческую природу».

– Но разве ничего нельзя сделать для этой бедной девушки?

Новый знакомый Шелтона пожал плечами.

– Разбитая чашка, – сказал он. – Ее теперь уже не склеишь. Она едет к своей кухне в Лондон и надеется, что та ей поможет. Вы дали ей денег, чтобы добраться до Лондона, и это все, что вы можете для нее сделать. Что ждет ее в дальнейшем, слишком хорошо известно.

– Но это же ужасно! – с искренним возмущением проговорил Шелтон. – Разве нельзя убедить ее вернуться домой? Я бы с радостью...

Молодой человек покачал головой.

– *Mon cher monsieur*, – сказал он, – вы, видимо, до сих пор не имели случая узнать, что такое семья. Семья не любит подпорченного товара: у нее не найдется доброго слова для сына, который запустил руку в кассу, или для дочери, которую нельзя уже выдать замуж. На что она им, черт возьми, такая? Уж лучше привязать ей камень на шею и сразу утопить. Все мы христиане, но быть христианином далеко не то же, что быть добрым самаритянином.

Шелтон взглянул на девушку, которая сидела неподвижно, сложив руки на сумке, и в душе его поднялось возмущение против несправедливости жизни.

– Да, – заметил иностранец, словно угадывая его мысли, – то, что мы называем добродетелью, почти всегда не более как удача. – И он обвел взглядом своих соседей, как бы говоря: «Ну, конечно, сила условностей! Пожалуйста, придумывайте себе условности, только не кичитесь, как павлины, тем, что вы их придерживаетесь: все в мире только трусость и удача, друзья мои, только трусость и удача!»

– Послушайте, – сказал Шелтон, – я дам ей мой адрес, и если она захочет вернуться домой, пусть напишет мне.

– Она никогда не вернется домой: у нее не хватит на это мужества.

Шелтон поймал подобострастный взгляд девушки; в ее слегка отвисшей нижней губе было что-то чувственное, и Шелтон понял, что молодой человек прав.

«Лучше им, пожалуй, не давать моего домашнего адреса», – подумал он, взглянув на лица сидевших напротив него молодых людей, и написал следующее: «Контора Парамора и Херринга, Линкольнс-Инн-Филдс, для Ричарда Парамора Шелтона».

– Вы очень добры, сэр. Меня зовут Луи Ферран. Адреса пока не имеется. Я постараюсь растолковать ей, в чем дело: сейчас она невменяема.

Шелтон снова уткнулся в газету, но он был слишком взволнован, чтобы читать: слова молодого незнакомца продолжали звучать у него в ушах. Он поднял глаза. Пухлая рука дамы с римским профилем по-прежнему лежала у нее на коленях, только теперь она была втиснута в черную перчатку с толстым белым швом. В хмуром взгляде дамы, устремленном на него, сквозило недоверие, словно он оскорбил ее чувство приличия.

– Он не получил с меня ни гроша, – громко сказал краснощекий мужчина в заключение разговора о сборщиках налогов.

Раздался громкий свисток паровоза, и Шелтон снова взялся за газету. Он скрестил ноги, твердо решив на сей раз насладиться чтением репортажа о последнем убийстве, и снова поймал себя на том, что разглядывает насмешливое лицо длинноносого незнакомца.

«Этот парень много видел и много перечувствовал, – подумал он, – раз в десять больше, чем я, хотя он моложе меня лет на десять».

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Шелтон стал смотреть на пробегающий мимо пейзаж с ровными рядами изгородей и родными его сердцу рощицами, на апрельские облака. Но странные мысли не оставляли его в покое, и он досадовал на себя: этот молодой иностранец и разговор с ним вывели его из равновесия. Он словно вступил на неведомый ему дотоле путь размышлений и познаний.

Глава II

Антония

За пять лет до описанного выше путешествия, в конце летних состязаний по гребле, Шелтон стоял на пристани, принадлежащей колледжу, в котором он раньше учился. Он уже несколько лет как вышел из стен университета, но гребные гонки по-прежнему привлекали его в Оксфорд.

Лодки как раз проходили мимо пристани; все устремились к перилам, и в эту минуту плечо Шелтона коснулось мягкого девичьего плеча. Он увидел рядом девушку с белокурыми волосами, перехваченными лентой; лицо ее разгорелось от возбуждения. Изящная линия подбородка, тонкая шея, пушистые волосы, быстрые движения и спокойная сила, дремлющая в серо-голубых глазах, мгновенно поразили воображение Шелтона.

– Но мы должны догнать их! – прошептала она.

– Ты не знаком с моей семьей, Шелтон? – раздался голос у него за спиной, и вслед за тем девушка подарила его быстрым и застенчивым прикосновением руки, потом он коснулся теплых пальцев дамы с добрыми глазами зайчихи и почувствовал крепкое пожатие джентльмена с тонким орлиным носом на загорелом насмешливом лице.

– Это вы и есть тот самый мистер Шелтон, который играл на барабане в Итоне? – спросила дама. – Мы так много слышали о вас от Бернарда. Вы ведь были его идеалом! Как мне жаль этих бедных юношей в лодках!

– Но это для них удовольствие, мама! – воскликнула девушка.

– Антонии надо бы самой заняться греблей, – заметил ее отец. Его фамилия была Деннант.

Шелтон пошел проводить их до отеля, где они остановились, и, шагая рядом с Антонией по лужайкам колледжа Крайстчерч, рассказывал ей эпизоды из своей университетской жизни. В тот вечер он обедал вместе с ними и, уходя, чувствовал себя так, словно выпил бокал шампанского.

Деннанты жили в шести милях от Оксфорда, в своем имении Холм-Окс; два дня спустя Шелтон побывал у них с визитом. И с тех пор, где бы он ни бы готовился ли к адвокатуре, играл ли в крикет, участвовал ли в гонках или охотился, стоило ему почувствовать в воздухе свежее дуновение – запах сена, жимолости, клевера, – как перед ним вставал образ Антонии, нежные краски ее лица и прямой, открытый взгляд холодных глаз. Но прошло два года, прежде чем он вновь увидел ее. Он приехал тогда к Деннантам по приглашению Бернарда играть в крикет с владельцами Холм-Окса против владельцев соседнего имения; вечером устроили танцы на лужайке. Белокурые волосы Антонии были теперь зачесаны кверху, но глаза остались прежними. Шелтон и Антония словно всю жизнь танцевали вместе: они кружились по скользкой траве дольше всех остальных пар. Это, видимо, и заставило Антонию проникнуться к нему уважением. Шелтон был строен, немного выше ее ростом, и, должно быть, говорил о том, что интересовало ее. Он узнал, что ей семнадцать лет; она же узнала, что ему двадцать девять. В последующие два года Шелтон приезжал в Холм-Окс всякий раз, как его туда приглашали; эти годы были для него полны очарования: игры, охота на лисят, любительские спектакли и доносящиеся издали звуки музыкальных упражнений. В глазах Антонии с каждым разом появлялось все больше теплоты и любопытства, а в его собственных – все больше застенчивости, сдержанности и затаенного огня. Затем смерть его отца, кругосветное путешествие и, наконец, это странное смешение самых противоречивых чувств, когда однажды утром, в марте, он сошел с парохода в Марселе и сел на поезд, отправлявшийся в Йер.

Антония жила в одном из тех первоклассных отелей, окруженных соснами, куда съезжались сливки английского общества вкупе с праздными американцами, русскими княгинями

и богатыми евреями; Шелтон не был бы шокирован, если бы она жила где-либо в другом месте, но это удивило бы его. Быстрым, внимательным взглядом голубых глаз она окинула его загорелое лицо и недавно отращенную бородку, которой он почему-то бесконечно гордился и за которую теперь, казалось, извинялся всем своим видом, и в глазах ее промелькнуло очень дружелюбное и вместе с тем вовсе не дружелюбное выражение. Глаза эти как будто говорили: «Ну вот, вы снова с нами. Как я рада! Но... что же дальше?»

Он был милостиво допущен к их отдельному, священному и неприкосновенному столику в ресторане отеля. Продолговатый, накрытый белоснежной скатертью, столик этот стоял в глубине просторной ниши; тут дважды в день, наслаждаясь созданной ими особой атмосферой, восседали высокородная миссис Деннант, мисс Деннант и высокородная Шарлотта Пенгвин чахоточная старая дева, доводившаяся Антонии теткой.

Шелтону стало немного не по себе, когда он впервые увидел их за завтраком. Почему от них веяло такой странной обособленностью?

Миссис Деннант склонилась над фотографическим аппаратом.

– Вы знаете, боюсь, что недодержка, – промолвила она.

– Какая жалость! Котенок был такой милый!

Старая дева положила свое вязанье – красный шелковый галстук – рядом с тарелкой и устремила на Шелтона проникновенный благовоспитанный взор.

– Смотрите, тетушка: опять этот забавный человечек! – быстро проговорила Антония своим звонким голосом.

– О, – произнесла старая дева и при этом улыбнулась, обнажив верхние зубы; глазами она искала забавного человечка (который не был англичанином), – он такой милый!

Шелтон не стал искать глазами забавного человечка; украдкой он бросил взгляд на Антонию – только на ее чистый лоб, слегка взлетающие кверху брови, волосы, еще растрепанные после прогулки на ветру. С этого мгновения он стал ее рабом.

– Мистер Шелтон, вы что-нибудь понимаете в этих стереоскопических аппаратах? – донесся до него голос миссис Деннант. – Ими так удобно снимать здания, но все здания такие неинтересные! Главное – это интересный человеческий материал, не так ли?

И взгляд ее рассеянно скользнул мимо Шелтона в поисках интересного человеческого материала.

– Мама, вы не записали, какие сделали снимки!

Миссис Деннант достала маленькую кожаную книжечку из маленькой кожаной сумочки.

– Так легко забыть, что снимаешь, – проронила она. – Вот ведь досада!

Обособленность Деннантов перестала вызывать в Шелтоне чувство неловкости: ни сами они, ни дела их уже не возмущали его. Было что-то прямо бесподобное в том, как они выходили из столовой; не замечая, какими смешными кажутся всем тем, кого сами находили смешными, когда сидели за столом; и он выходил вслед за ними из зала, неестественно выпрямившись и чувствуя себя полнейшим дураком.

В последующие две недели он не раз сживал напротив Антонии в экипаже, когда она выезжала на прогулку в сопровождении своей тетушки, ибо миссис Деннант не любила кататься; он играл с Антонией в теннис; но лишь по вечерам, в долгие вечерние часы, которые они проводили, сидя в плетеных креслах возможно дальше от отопления, он, казалось, по-настоящему ощущал присутствие Антонии. Это уединение сближало их. Тут он превращался из товарища в друга, которому она могла поведать о всех своих надеждах и мечтах. В такие часы, даже когда она сидела молча, безмятежно и старательно делая наброски в альбоме, который никогда ему не показывала, самая поза девушки, исходившая от нее нежная свежесть, быстрые взгляды, которые она с чувством оскорбленного достоинства бросала на окружающих, казалось, говорили, что он ей нужен. Но Шелтон даже не сознавал этого; словно замороженный, он не мог ни размышлять, ни наблюдать, и даже недостатки Антонии очаровывали его.

Крошечные веснушки на носу, худощавая девичья фигура, узкие бедра и плечи, изгиб тонкой шеи – все лишь увеличивало ее обаяние. В ней было что-то, напоминавшее о ветре и дожде, какой-то аромат родины, и на прогулках по залитым солнцем дорогам, испещренным черными тенями пальм, она казалась олицетворением туманного английского дня.

Однажды Шелтон пошел с нею играть в теннис к знакомым, а потом они решили прогуляться по ее любимым местам. Сады и пригорки, окаймлявшие дорогу в Тулон, тонули в оранжевой дымке; в воздухе веяло вечерней прохладой; вместе с жарой исчезло и оцепенение, сковывавшее тело, и кровь быстрее побежала по жилам. Справа от дороги какой-то француз играл в шары. Он привел в восхищение Шелтона: огромный, деловитый и довольный, он умирительно трусил рысцей по площадке, не сгибая могучего тела. А на лице Антонии, бросившей мельком взгляд на гиганта, отразилось отвращение. Вдали показались развалины старинной башни, и Антония вдруг побежала к нам.

Шелтон не старался нагнать девушку: он смотрел, как она прыгает с камня на камень, по временам она оборачивалась, и во взгляде ее сквозил вызов. Она достигла вершины холма, и он остановился, любясь ею. Она, как статуя, возвышалась над простирившимся далеко внизу прекрасным миром. Щеки ее разругались, глаза блестели, юная грудь дышала взволнованно и глубоко, длинные рукава платья ниспадали широкими свободными складками, – казалось, что она парит в воздухе.

Шелтон одним прыжком очутился возле нее; сердце его так билось, что он задыхался и был бледен, как мертвец.

– Антония, – прошептал он, – я люблю вас!

Она вздрогнула, словно эти слова, ворвавшись в мир ее грез, вернули ее на землю; но лицо Шелтона, должно быть, дышало такой страстью, что промелькнувшая в глазах девушки досада тотчас исчезла.

Несколько минут они стояли молча, потом повернулись и пошли домой. Шелтон мучительно старался догадаться, что означает румянец, заливший ее лицо. Неужели он может надеяться? Неужели... А вечером некий инстинкт, ниспосылаемый порою влюбленным взамен рассудка, заставил его уложить чемодан и отправиться в Канны.

Через два дня Шелтон вернулся; войдя в зимний сад, он увидел группу, сидевшую посреди комнаты, и услышал голос тетушки, читавшей вслух статью из «Морнинг пост».

– Не правда ли, как мило! – донеслось до Шелтона, и тут она увидела его. – А, вот и вы! Очень мило, что вы вернулись.

Шелтон опустился в плетеное кресло. Антония, оторвавшись от своего альбома, быстро подняла на него глаза и протянула руку, но не сказала ни слова.

Шелтон смотрел на ее склоненную головку, и постепенно радость его испарялась, уступая место унынию. Целых пять томительных минут он с вымученным оживлением отвечал на расспросы тетушки, интересовавшейся, где он был и что делал. Но вот старая дева снова принялась за чтение «Морнинг пост».

Легкое прикосновение к рукаву заставило его вздрогнуть.

– Хотите взглянуть на мои наброски? – спросила Антония, наклонившись к нему; матовая белизна ее шеи резко подчеркивала яркий румянец, разлитый по щекам.

Почтенная старая дева продолжала читать почтенную газету, и звук ее монотонного голоса казался Шелтону, склонившемуся над альбомом с рисунками, самой сладостной музыкой на свете...

– Милый Дик, – сказала миссис Деннант Шелтону две недели спустя, – мы хотели бы, чтобы вы, после того как уедете отсюда, до июля не встречались с Антонией. Я, конечно, знаю, что вы уже считаете себя женихом и получили по этому поводу немало поздравительных писем.

Но Алджи полагает, что вы должны дать друг другу время обдумать ваше решение. Молодежь не всегда знает, чего она хочет. Да и ждать придется недолго.

– Три месяца! – ахнул Шелтон.

Ему пришлось проглотить эту горькую пилюлю, и он старался по возможности не показывать своего разочарования. Выбора не было. Антония торжественно и даже с каким-то странным удовольствием повиновалась матери, словно ожидая, что отсрочка пойдет ей на пользу.

– По крайней мере, нам будет чего ждать, Дик, – сказала она.

Шелтон как можно дольше откладывал свой отъезд и уехал в Англию только в конце апреля. Антония провожала его одна. Моросил дождь, но она, казалось, была равнодушна к непогоде, и ее высокая тонкая фигура в плаще резко выделялась среди дрожавших от холода местных жителей. Шелтон с тоскою пожал ее руку, ощущая теплоту кожи сквозь мокрую перчатку; ее улыбка была до того ослепительна, что казалась бессердечной.

– Вы ведь будете мне писать? – прошептал он.

– Ну, конечно! Не надо быть таким глупым, Дик, милый!

Поезд тронулся, она побежала рядом, и, перекрывая стук колес, до него донеслось ее «до свидания» – пронзительное и звонкое. Он видел, как она вскинула руку, махая зонтиком, а потом все слилось вдали в одну сплошную массу, из которой выделялось лишь яркое пятно ее пунцового берета.

Глава III Зверинец

В Лондоне, когда Шелтон получал на вокзале багаж, мимо него прошла молодая иностранка – его соседка по вагону, – и хотя Шелтону хотелось сказать ей несколько ободряющих слов, он ничего не сумел придумать и лишь виновато улыбнулся. Девушка скоро исчезла из виду, смешавшись с толпой; тут Шелтон обнаружил, что один из его чемоданов еще не доставлен, и это обстоятельство заставило его забыть о ней. Но кэб, отвозивший его домой, обогнал молодого иностранца, который шел враскачку, большими шагами по направлению к Пэл-Мэлу, – во всей его фигуре чувствовались сосредоточенное внимание и разочарованность.

Прошли первые дни суматохи после приезда, и время потянулось для Шелтона мучительно долго. Июль казался таким далеким, словно до него было еще сто лет; перед Шелтоном вставали глаза Антонии, в них был безнадежный, робкий призыв. Ведь она и в Англию-то вернется не раньше чем через месяц!

«В поезде по дороге из Дувра я встретил одного молодого иностранца, писал он Антони. – Престранный тип! Разговор с ним подействовал на меня, точно яд. Все окружающее представляется мне теперь таким плоским и бессмысленным; только Ваши письма и приносят отраду. – Вчера со мной обедал Джон Нобл; бедняга пытался убедить меня выставить свою кандидатуру в парламент. Но есть ли у меня основания считать, что я могу издавать законы для несчастных, которых мы во множестве встречаем на улицах? Если по выражению лица можно судить, счастлив ли человек, то мне не хотелось бы нести никакой ответственности за то...»

И действительно, улицы Лондона, которые Шелтон теперь вновь увидел после долгого пребывания на Востоке, давали немалую пищу для размышлений: удивительное самодовольство на лицах прохожих; нескончаемая суета; ужасающие контрасты – жалкие измученные женщины и рядом с ними упитанные мужчины с похотливым, тупым взглядом бычьих глаз, – Шелтон видел их повсюду: в окнах клубов, на уличных перекрестках, на козлах, у входов в отели – всюду, где они исполняли свои повседневные обязанности; крикливо одетые женщины с жестким, алчным взглядом и бледные мужчины с глазами затравленного животного; блестящие дамы в роскошных экипажах и оборванные нищие в измятых кепках – все то же самое, и никому ни до кого нет дела!

Как-то в мае Шелтон получил письмо, написанное по-французски:

*«З, Блэнк-Роу,
Вестминстер.*

Дорогой сэ,

Простите, что я осмеливаюсь напомнить Вам о том, что Вы любезно предложили мне свою помощь в тот день, когда мы ехали в одном вагоне из Дувра в Лондон и мне посчастливилось познакомиться с таким человеком, как Вы. Я обегал весь город, готовый взяться за любую работу; деньги мои подходят к концу, состояние духа самое подавленное, – вот я и решился воспользоваться Вашим разрешением и, зная Ваше доброе сердце, обратиться к Вам. Со времени нашей встречи я пережил бездну всевозможных несчастий, и, кажется, не осталось ни одной двери, в которую бы я не постучал! Я заходил в контору, которую Вы мне указали, но там отказались сообщить

Ваш адрес, ибо я, к сожалению, очень оборван. Не правда ли, как это характерно для англичан? Мне предложили написать Вам письмо и обещали его переслать. Вы моя единственная надежда, и, какое бы решение Вы ни приняли, я останусь по-прежнему преданный Вам Луи Ферран».

Шелтон еще раз взглянул на письмо и увидел, что оно написано неделю тому назад. Перед ним возникло лицо молодого человека – выразительное, живое, насмешливое, в ушах зазвучал его быстрый французский говор, и по какой-то странной ассоциации одновременно, с поразительной ясностью, возник образ Антонии. Ведь он встретил француза в конце своего путешествия из Йера в Лондон, и это как бы давало молодому человеку право рассчитывать на его помощь.

Шелтон надел шляпу и поспешил на Блэнк-Роу. Он отпустил кэб на углу Виктория-стрит и с трудом нашел нужный номер дома. Это была ночлежка, а потому подъезд отсутствовал: прямо от входа начинался коридор, выложенный каменными плитами. Шелтон постучал в опускающееся окошечко, какие бывают в кассах, чтобы привлечь внимание неряшливой женщины с хлопьями мыльной пены на руках; она сообщила ему, что молодой человек, о котором он спрашивает, уехал, не оставив адреса.

– А нельзя ли у кого-нибудь узнать о нем? – спросил Шелтон.

– Как же, тут есть один француз.

Она приоткрыла дверь, ведущую внутрь дома, и, рывкнув: «Эй, француз! Зовут», исчезла.

На ее зов вышел маленький, весь высохший человечек с желтым лицом, таким опустошенным и потрепанным, словно жизнь провела по нему паровым катком; он остановился, как будто обнюхивая Шелтона, и тот подумал, что он странно похож на зверька в клетке.

– Он уехал отсюда дней десять тому назад вместе с одним мулатом. Могу я полюбопытствовать, зачем он вам нужен? – Желтое лицо француза недоверчиво сморщилось.

Шелтон вынул письмо.

– А, так я знаю вас. – Бледная улыбка резче обозначила морщинки у глаз. – Он говорил о вас. «Если только я сумею найти его, – говорил он, – я спасен». Мне нравился этот молодой человек: у него был живой ум.

– Нельзя ли найти его через вашего консула?

Француз покачал головой.

– Это все равно что искать алмазы на дне моря, – сказал он.

– А не может он сюда вернуться, как вы думаете? Впрочем, вы тогда и сами вряд ли будете здесь.

Француз иронически усмехнулся, блеснув зубами.

– Я? Ну нет, сэр! Было время, я тешил себя надеждой, что всплыву когда-нибудь на поверхность, но теперь я больше себя не обманываю. Я брею здешнюю публику, чтобы заработать себе кусок хлеба, и буду этим заниматься до судного дня. Но вы все-таки оставьте у меня письмо: Ферран вернется. У него тут заложено пальто, – он получил за него немного денег, а оно стоит куда больше. Да, конечно, он вернется: это принципиальный юноша. Оставьте у меня письмо, я всегда здесь.

Шелтон колебался, но последние слова француза – «Я всегда здесь» – тронули его своей простотой. Ничего более страшного этот человек не мог бы сказать.

– В таком случае принесите мне, пожалуйста, листок бумаги, – попросил Шелтон. – Сдачу оставьте себе за труды.

– Благодарю вас, – просто ответил француз. – Ферран говорил мне, что у вас доброе сердце. Если вы не возражаете, я провожу вас на кухню, там вы сможете спокойно написать письмо.

На кухне, тоже выложенной каменными плитами, Шелтон присел к столу и стал писать; в комнате, кроме него, сидел высохший старик, который без конца бормотал что-то себе под нос, и Шелтон, подозревая, что он пьян, старался не привлекать его внимания. Однако, когда Шелтон уже собрался уходить, старик вдруг обратился к нему с вопросом.

– Скажите, мистер, бывали вы когда-нибудь у зубного врача? – с легким ирландским акцентом спросил он, стараясь иссохшими пальцами выдернуть шатающийся зуб. – Я вот как-то пошел к врачу, который утверждал, что пломбирует зубы без боли; мошенник и впрямь запломбировал мне зубы без боли, да только разве эти пломбы удержались? Как бы не так, все вылетели, не успел я и глазом моргнуть. Ну, скажите на милость, разве это можно назвать лечением зубов? – И, устремив взгляд на воротничок Шелтона, который, как на грех, был высокий и чистый, он продолжал с пьяной злобой: – И все так в этой фарисейской стране! Одни разговоры о высокой нравственности, об англосаксонской цивилизации! Никогда еще мир не падал так низко! А какая здесь, к черту, нравственность? Высокая нравственность лавочников! В каком состоянии находится искусство в этой стране?! Какие идиоты кривляются на сцене! Какие картины и книги находят тут сбыт! Я-то знаю, что говорю, хоть я и человек-реклама! А в чем секрет? В том, что эта страна – большая лавка, мой милый. Невыгодно добираться до сути вещей! Пощекотать – пожалуйста, но ударить ножом – нет! Мы не выносим вида крови. Верно я говорю?

Шелтон стоял растерянный, не зная, отвечать или нет, а старик помолчал немного, поджав губы, и продолжал:

– Видите ли, сэр, в этой отравленной туманами стране не существует крайностей. Как, по-вашему, такая мразь, как я, должна существовать? Почему же буржуа не уничтожают нас? Всё полумеры да полумеры, а почему? Потому что они против крайностей. Взгляните на женщин: ведь здешние улицы – позор на весь свет! Буржуа не признают, что все это существует; они так задрали носы, что и знать ничего не хотят! Они закрывают глаза на то, что творится в этой торгашеской стране. Это им выгодно, мой милый, – сообщил он Шелтону, понизив голос. – Вы говорите: почему бы им так не поступать? – заметил он, хотя Шелтон за все время не проронил ни слова. – Ну, что ж, пусть себе, на здоровье! Только не уверяйте меня тогда, что это высокая нравственность, что это цивилизация! Чего же можно ждать от страны, где живым страстям никогда и никак не дозволено проявляться! Ну, и что получается? Получается мой милый, сплошное сюсюканье – этакая желтая штука с голубыми разводами, вроде плесени или стилтонского сыра. Пойдите в театр и посмотрите, что они там играют! Разве это пища для взрослых людей? Это сладкая каша для детей и приказчиков! Я сам был актером, черт подери!

Слова старого актера и забавляли, и страшили Шелтона; он слушал его до тех пор, пока старик не умолк, сгорбившись на своем табурете у стола.

– Вы, наверно, никогда не напиваетесь, – внезапно заметил тот, – как видно, в вас слишком силен английский дух.

– Да, я пью очень редко, – сказал Шелтон.

– Жаль! Вы себе и представить не можете, как много удовольствия в забвении! Я вот напиваюсь каждый вечер.

– Сколько же вы протянете, если будете так пить?

– Вот в вас и заговорил англичанин! Стоит ли отказываться от единственного наслаждения, чтобы продлить столь жалкую жизнь, как моя? Если у человека еще есть, ради чего быть трезвым, – пусть будет трезвым, пожалуйста; а если нет, то чем скорее напьешься, тем лучше, – ясно как день.

В коридоре Шелтон спросил у француза, кто этот старик.

– Какой-то англичанин. Да, да, из Белфаста. Пьяница невероятный. Все вы, англичане, пьяницы. – И он махнул рукой. – Вот этот уж больше и есть не может: все нутро у него сгорело.

Очень жаль: он человек с умом... Кстати, мосье, если вы никогда не видели подобных дворцов, я с удовольствием покажу вам наши покои.

Шелтон достал портсигар.

– Да, да, – продолжал француз, – я-то уж привык к здешнему воздуху. – Он поморщился и взял предложенную Шелтоном папиросу. – А вот вы разумно поступаете, что курите: тут у нас далеко не гарем.

И Шелтон устыдился своей брезгливости. Француз провел его наверх и открыл дверь.

– Вот полюбуйте на эти апартаменты, – сказал он. – Такие здесь отводятся принцам крови.

В комнате стояли четыре железные кровати; француз с видом заправского гида подошел к одной из них и откинул край грязного ватного одеяла.

– Жильцы уходят утром, – продолжал он, – зарабатывают ровно столько, чтобы напиться, потом заваливаются спать, и на следующее утро все начинается сначала. Так и проходит их жизнь. Есть люди, которые считают, что таких субъектов следует перевоспитать, но, *mon cher monsieur*, нужно все-таки немножко считаться с действительностью, даже здесь, в Англии. Было бы куда лучше, если бы эти субъекты занялись перевоспитанием высшего общества. Ведь именно высшее общество порождает их – что посеешь, то и пожнешь. *Selon moi*⁴, – продолжал он, опустив край одеяла и пуская дым через нос, – между вашим высшим обществом и вот этими субъектами нет большой разницы: как те, так и другие жаждут удовольствий, как те, так и другие думают только о себе, и это вполне естественно. Одним повезло, ну, а другим – сами видите! – И он пожал плечами. – Компания тут скверная. Меня уже обкрадывали раз пять. Если у вас новые башмаки, хороший пиджак или пальто, вам мало одной пары глаз... А насекомые тут!.. Попробуйте лечь на чужую постель, и вы определенно не будете спать в одиночестве. *V'là ma clientèle!*⁵ Половина мне даже не платит! – Он щелкнул желтыми костлявыми пальцами. – Бритье – пенни, стрижка – два. *Quelle vie!*⁶ Вот здесь, – продолжал он, останавливаясь у одной из кроватей, – ночует джентльмен, который должен мне пять пенсов. А вот тут спит бывший солдат. Это конченный человек! Все они затравленные, ни у одного не осталось и капли мужества. Но, видите ли, мосье, – проговорил он, открывая другую дверь, – уж если человек опустился до жизни в таких домах, у него непременно должен быть какой-то порок: здесь он так же необходим, как воздух для легких. Неважно, какой у вас порок, но вы должны иметь его, чтоб было хоть маленькое облегчение – *un peu de soulagement*. Так вот, прежде чем осуждать этих свиней, поразмыслите немного о том, что такое жизнь. Я-то испытал все это; и, знаете, мосье, не очень приятно себя чувствуешь, когда не знаешь, будет ли у тебя сегодня обед. Сытые джентльмены, у которых достаточно денег в карманах и которые знают, что завтра у них опять будут деньги, никогда не думают о подобных вещах, *pas de danger!*⁷ Все клетки тут одинаковые. Пойдемте вниз – вы посмотрите нашу буфетную.

Через кухню, которая, видимо, заменяла в этом заведении гостиную, он провел Шелтона в чулан, заваленный грязными ножами, чашками, блюдами и тарелками. Тут тоже был камин, в котором горел огонь.

– У нас всегда есть горячая вода, – пояснил француз, – а три раза в неделю топят вон ту печь, – и он указал на подвальное помещение, – чтобы наши клиенты пропаривали своих вшей. Ничего не скажешь, полный комфорт!

⁴ Я считаю (*франц.*).

⁵ Вот вам мои клиенты! (*франц.*)

⁶ Ну и жизнь! (*франц.*)

⁷ Будьте спокойны! (*франц.*)

Шелтон вернулся на кухню и тут же распростился с маленьким французом, а тот, желая подольше удержать Шелтона, чтобы снискать его расположение и, быть может, превратить в своего покровителя, сказал:

– Будьте спокойны, мосье, если только этот молодой человек вернется, он тут же получит ваше письмо. Моя фамилия Каролан, Жюль Каролан, и я всегда к вашим услугам.

Глава IV

В театре

Шелтон вышел на улицу с таким ощущением, словно он только что очнулся от тяжелого кошмара. «Этот старик актер просто пьян, – думал он, – и конечно, он ирландец, но все же в его словах есть доля правды. Я фарисей, как и все те, кто не на дне. Моя порядочность – не более как счастливая случайность. Неизвестно, чем бы я стал, родился я в таких условиях, как этот актер». Шелтон всматривался в человеческий поток, выливающийся из магазинов, стараясь угадать, что скрывается под невозмутимым самодовольством, написанным на лицах. Что, если бы все эти леди и джентльмены очутились там, на дне, куда он только что заглянул? Сумел бы хоть один из них выбраться оттуда? Но Шелтон был не в силах представить себе их на дне: слишком уж это казалось невероятным, нелепым и невероятным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.